

**РЕАЛИЗАЦИЯ КЛАССОВОГО ПРИНЦИПА
В УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ РСФСР**

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»

РЕАЛИЗАЦИЯ КЛАССОВОГО ПРИНЦИПА В УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ РСФСР

Материалы к лекции по отечественной истории и
истории отечественного государства и права
для студентов юридических специальностей всех форм обучения

Тамбов
Издательство ТГТУ
2008

УДК 34
ББК Ч308я73-5
3-311

Рецензент

Кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук, доцент ТГТУ
С.Н. Захарцев

Составитель

З.О. Шамоян

3-311 Реализация классового принципа в уголовной политике
РСФСР : материалы к лекции / сост. З.О. Шамоян. – Тамбов :
Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – 12 с. – 150 экз.

Даны материалы к лекции по отечественной истории и истории отечественного государства и права.

Предназначены для студентов юридических специальностей всех форм обучения.

УДК 34
ББК Ч308я73-5

© ГОУ ВПО «Тамбовский государственный
технический университет» (ТГТУ), 2008

Учебное издание

РЕАЛИЗАЦИЯ КЛАССОВОГО ПРИНЦИПА В УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ РСФСР

Материалы к лекции

Составитель

ШАМОЯН Зураб Ордыевич

Редактор **Е.С. Мордасова**

Инженер по компьютерному макетированию **Т.А. Сыноква**

Подписано в печать 18.06.2008.
Формат 60×84/16. 0,69 усл. печ. л.
Тираж 150 экз. Заказ № 289

Издательско-полиграфический центр
Тамбовского государственного технического университета
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

РЕАЛИЗАЦИЯ КЛАССОВОГО ПРИНЦИПА В УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ РСФСР

Важную роль в формировании уголовной политики играли судебные, прокурорские, следственные и иные юрисдикционные органы, имевшие богатую правоохранительную, правоприменительную и правоисполнительную практику. Нередко они корректировали реализуемую ими уголовную политику, проверяли ее отдельные принципы на жизненность и эффективность, выявляли ее сильные и слабые стороны, вносили рекомендацию по ее совершенствованию.

Основополагающим принципом правоприменительной деятельности органов советского государства являлся классовый принцип. При рассмотрении дела суды обращали внимание сначала на социальное происхождение подсудимого и лишь затем – на то деяние, которое он совершил. В случае, когда потерпевшими оказывались классовые враги, а преступления, причинявшие им вред, относились к категории тяжких и особо тяжких, меры наказания должны были применяться избирательно. Правонарушителям пролетарского и крестьянского происхождения наказание снижалось на основании ст. 28 и 36 УК РСФСР. На начальном этапе исследуемого периода карательная политика государства претерпевала некоторые коллизии, вызванные поиском властью наиболее действенных форм обуздания преступности, которая имела тенденцию к росту вследствие переживаемой страной революционной смуты.

Первоначально борьба с преступностью носила весьма жесткие формы. Государство пыталось бороться с ней «кавалерийским наскоком», не задаваясь вопросом о ее первопричинах. 1 декабря 1922 г. ВЦИК постановил в целях скорейшего искоренения всякого рода бандитских налетов и вооруженных ограблений предоставить ГПУ право внесудебной расправы вплоть до расстрела в отношении всех лиц, взятых с поличным на месте преступления. Кроме этого, при НКВД была образована специальная комиссия, которой предоставлялось право лиц, признанных социально-опасными, высылать и заключать в лагерь принудительных работ. К ним были причислены:

- а) деятели антисоветских политических партий;
- б) лица, дважды судимые за преступления, предусмотренные ст. 76, 85, 93, 140, 170, 171, 180, 183, 184, 189, 190 и 220 УК¹.

Завершенный вид «здание» карательной политики приобрело к 1923 г., после начавшейся судебной реформы. К классовому принципу тогда добавилось убеждение, что преступника нужно не карать, а исправлять². Оно было сформировано во многом под влиянием того обстоятельства, что питательной почвой для преступной среды являлись представители победивших классов рабочих и крестьян, являвшихся социальной опорой большевистских преобразований.

В качестве примера рассмотрим социальный состав осужденных в РСФСР в 1923 – 1928 гг. (табл. 1).

Наибольшее число осужденных крестьян-единоличников (64,7 %) наблюдалось в 1924 г. На протяжении последующего исследуемого периода процент осужденных среди крестьян стал снижаться, составив к 1928 г. 51,5 %. Иная картина наблюдалась у правонарушителей-рабочих. Эта группа осужденных имела тенденцию к возрастанию: в 1924 г. – 9,1 %, в 1928 г. – 14,4 %. Отмеченный рост числа правонарушителей-рабочих и

**1. Социальный состав осужденных в РСФСР 1923 – 1928 гг.
(в процентном соотношении)³**

Показатели \ Годы	1923	1924	1925	1926	1927	1928
Рабочих	10,2	9,1	11,2	13,7	13,9	14,4
в том числе фабрично-заводских	1,5	1,6	2,4	3,9	3,8	4,7
Служащих	6,9	4,7	8,2	6,9	8,3	10,6
Безработных	4,0	3,9	5,3	4,8	5,2	5,6
в том числе рабочих	1,2	1,4	2,3	2,1	2,6	3,2
Лиц без определенных занятий	2,3	2,7	4,4	4,1	3,5	3,5
в том числе деклассированных	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3	0,8
Хозяев	62,3	68,8	60,8	59,1	61,6	58,2
в том числе в сельском хозяйстве	57,9	64,7	56,6	53,4	56,1	51,5
из них не пользующихся наемным трудом	Сведений нет		55		50	
в том числе в торговле, кредите, транспорте	2,1	1,8	2,5	2,9	2,6	3,1
Несамодетельные	2,9	2,7	2,9	2,4	2,5	3,3
Прочие	11,4	8,1	7,2	9	5	4,4

снижение числа правонарушителей-крестьян был вызван активно происходящим в те годы процессом миграций сельских жителей в города. Третье место по числу осужденных занимали служащие. Эта категория также имела тенденцию к увеличению, составив к 1928 г. 10,6 % от общей массы осужденных.

В крестьянской группе осужденных преобладали земледельцы (62 % мужчин и 54 % женщин), а именно – домохозяева (63 % мужчин и 44 % женщин), число батраков было незначительным. Количество безработных осужденных, включая лиц

¹ Цит. по: Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р – 655. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

² Там же. Д. 196. Л. 34.

³ Таблица составлена по: Герцензон А.А. Советская уголовная статистика. М., 1937. С. 174.

без определенных занятий и деклассированные элементы, было невелико: 2 % мужчин и 3 % женщин⁴. Эти цифры рельефно показывают, что безработица как фактор преступности не играла существенной роли в жизни сельского населения.

2. Социальные группы осужденных в городе и деревне⁵

Показатели	На 100 заключенных каждой группы			
	Сельская группа		Городская группа	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Земледельцы (хозяева)	53,3	43,7	6	2,2
Сельские рабочие	9,2	10,6	2,7	1,5
Хозяева и предприниматели	2,2	1,2	4,4	3,9
Рабочие (кроме с/х)	12,1	15,6	37,8	32,4
Красноармейцы	12,2	0,1	8,8	–
Служащие	6	2,3	22,3	9,6
Лица свободных профессий	0,2	1,4	0,7	1,3
Прислуга	–	1,5	–	2,2
Безработные	1,4	2,5	10,4	13,2
Деклассированные	0,1	–	0,1	–
Несамодетельные	0,4	16,1	1,1	28,8
Без определенных занятий	0,5	0,7	1,5	1,7
Прочие	0,1	–	0,5	0,3
Не указано	2,3	4,3	3,7	2,9

Распределение по занятиям осужденных, проживавших в городах, было иным, чем у сельчан. Среди них преобладали лица, занимавшиеся различными видами обрабатывающей промышленности (42 % мужчин и 36 % женщин). Далее следовали служащие и лица свободных профессий (23 % осужденных мужчин). Значимое место в среде осужденных в городах стали занимать безработные: более 10 % мужчин и 13 % женщин. К земледельческому сословию принадлежало около 9 % мужчин и менее 4 % женщин.

Аналогичную картину мы можем наблюдать и в региональном срезе (табл. 3).

В 1926 г. распределение осужденных по их социальной принадлежности в статистической отчетности несколько изменилось в связи с корректировкой социального состава общества. Такие группы, как прислуга и деклассированные элементы были исключены как исчезнувшие или утратившие свое значение в силу малочисленности. Появились категории населения, позиции которых в нэповском обществе упрочивались: ремесленники, кустари, торговцы. Эти группы и оказывали существенное влияние на уровень преступности. Осужденные за преступления в 1926 – 1927 гг. кустари и ремесленники составляли 2,2 % от общего числа осужденных, торговцы – в 1926 г. – 3,3 %, в 1927 г. – 3,7 %.

3. Социальный состав осужденных Тамбовской губернии (в процентах)⁶

Показатели	Годы				
	1923	1924	1925	1926	1927
Рабочие	6,5	2	3,3	7,6	7,5
Прислуга	0,3	0,1	0,1	?	?
Служащие	3,8	3,6	7,4	5,8	6,2
Лица свободных профессий	0,4	0,4	0,3	0,2	0,2
Земледельцы и члены их семей	79,9	85,9	74	65,1	64
Армия и флот	0,4	0,6	1,7	?	?
Безработные	2,2	3	4,9	3,2	4,2

⁴ Герцензон А.А. Советская уголовная статистика. М., 1937.. С. 50.

⁵ Тарновский Ф. Основные черты современной преступности // Административный вестник. М., 1925. № 11. С. 49.

⁶ Составлено по: Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Ф. 840. Оп. 1. Д. 3894. Л. 3; Д. 3895. Л. 67; Статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1925. С. 93 – 99; Статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1926. С. 90 – 91.

Деклассированные элементы	0,1	0,1	0,1	?	?
Прочие	6,4	4,3	8,2	12,2	11,6

Анализируя состав осужденных за 11 месяцев 1926 г., Тамбовская губернская прокуратура пришла к следующему заключению. Подавляющее число заключенных, содержавшихся под стражей, приходилось на крестьян-бедняков (их насчитывалось 4058 человек), затем шли середняки – 1557 человек, нетрудовой элемент – 717 человек, рабочие – 622 человека, служащие – 522 человека и на последнем месте находились зажиточные крестьяне – 324 человека. При этом по всем категориям преступлений главенствующие позиции занимали бедняки: будучи малообеспеченными, они скорее шли на преступления и их противоправная деятельность носила социальную окраску. Нетрудовой элемент участвовал по большей части в квартирных кражах, по коим проходило 259 человек, в простых кражах участвовало 150 человек. Зажиточные крестьяне также предпочитали заниматься квалифицированными и простыми кражами – 74 человека. Рабочие участвовали по большей части в квартирных кражах (127 человек) и разбое (118 человек), далее шли простые кражи (77 человек) и растраты (60 человек). Служащие судились в основном за растраты: 267 человек⁷.

Между тем в правоприменительной работе возникали определенные сложности с проведением в жизнь классового принципа. Так, совещание ответственных сотрудников Тамбовской губпрокуратуры, проходившее в марте 1924 г., обсуждало вопрос о затруднительности применения классового принципа при вынесении приговора в связи со «сложной обстановкой в крестьянской среде, не имеющей единообразия». Имелась ввиду происходившая в деревне имущественная дифференциация среди земледельцев, все более разделявшая крестьянскую массу на бедноту, середняков и зажиточную часть. Последняя группа автоматически переходила в разряд классовых противников. Между тем судьи рассматривали всех жителей сельской местности в качестве единой группы. Для устранения указанного дефекта в правоприменении совещанием предлагалось повышать квалификацию судебных работников, уровень их политической грамотности. Предлагалось также не применять по отношению к трудящимся такую меру наказания как принудительные работы, заменяя их посильным штрафом (в случае несостоятельности лица и он отменялся)⁸.

Осуществлению революционной законности и советского правопорядка мешали «соображения местной целесообразности», приводившие к задержкам и прямому неисполнению низами распоряжений центральной и губернской властей, вызывавшими всевозможные нарекания и жалобы со стороны обывателей. Соблюдению революционной законности на селе препятствовали следующие уклоны, имевшие место в практике работы волостных исполнительных комитетов (далее ВИКах) и сельсоветов:

- 1) невнимательное и небрежное отношение отдельных представителей органов власти к насущным нуждам крестьянства;
- 2) применение недопустимых методов управления – административного нажима, произвола и др.;
- 3) проявление халатности в осуществлении наблюдения за правильным расходованием должностными лицами государственных и общественных финансовых средств;
- 4) частые случаи растрат, присвоения и хищения общественных сумм, имущества и товаров⁹.

Препятствовали реализации классового принципа карательной политики также определенные финансовые трудности в сфере исполнения наказаний. Так, отсутствие необходимых денежных средств на оборудование исправительных домов (далее – исправдомов) рабочими мастерскими не позволяло приучать к труду лиц, отбывавших наказание, что уравнивало в отбывании наказания людей различного социального происхождения (исключением здесь являлись амнистии и досрочные освобождения). Совместное содержание в местах лишения свободы осужденных впервые и рецидивистов также оказывало вредное разлагающее влияние на вчерашних рабочих и крестьян¹⁰.

Важным слагаемым реализации карательной политики являлась деятельность судов по назначению меры наказания. Проведем анализ распределения осужденных по видам наказания в нэповской России (табл. 4).

Как следует из таблицы, в годы нэпа в структуре наказаний преобладали условное лишение свободы, лишение свободы до одного года, имущественные взыскания и принудительные работы. Наказания в виде лишения свободы на срок более года составляли в структуре наказаний лишь незначительную часть – всего 1,7 – 1,8 %. Вышеотмеченные виды наказаний и были призваны стать основой карательной политики советского государства.

Сходная тенденция соотношения различных видов наказаний наблюдалась и по губерниям (например, табл. 5).

Так, в Тамбовской губернии в 1923 г. число мужчин, осужденных к безусловному лишению свободы, составляло 15,38 %, группа осужденных условно составляла 8,07 %. Мера наказания в виде имущественного взыскания применялась к 44,76 % осужденным. В 1923 – 1925 гг. мы наблюдаем тенденцию ужесточения карательной политики за счет увеличения числа безусловно осужденных до 44,49 % (1925 г.) и осужденных условно до 15,5 % (1925 г.), а также снижения числа приговоренных к имущественному взысканию до 22,41 % в том же году. С 1926 г. опять намечается процесс ослабления карательной политики за счет существенного увеличения числа приговоренных к имущественным взысканиям: в 1926 г. – 35,12 %, а в 1927 г. – 38,5 % (табл. 6).

4. Распределение осужденных по видам наказания 1923 – 1928 гг. (в процентном соотношении)¹¹

⁷ ГАТО. Ф. Р – 655. Оп. 1. Д. 6. Л. 705.

⁸ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 2567. Л. 61.

⁹ ГАТО. Ф. Р – 655. Оп. 1. Д. 22. Л. 34.

¹⁰ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 2567. Л. 61.

¹¹ Герцензон А.А. Советская уголовная статистика. М., 1937. С 175.

Приговорено	Годы					
	1923	1924	1925	1926	1927	1928
К расстрелу	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0
К условному лишению свободы	10,3	13,6	21,2	14,2	7,8	7,3
К лишению свободы: до полугода	6,5	8,6	20,2	28,2	26,9	21,7
От полугода до 1 года	5,8	3,3	5,2	5,5	3,8	4,3
От 1 года до 3 лет	4,7	3	5	4,5	3,4	4
Свыше 3 лет	1,7	1,2	1,7	1,8	1,7	1,7
Итого на срок	18,7	16,1	32,1	40	34,8	31,7
К принудительным работам	20,6	13,8	15,6	14	17,5	21,6
К общественному порицанию	1,3	1,8	2,4	1,5	2	2,5
К имущественным взысканиям	33,3	47,9	25,6	28,6	32,4	30,8
К прочим мерам	2,8	2,4	1,2	1,1	1,2	0,4
Освобождено от наказания	12,7	4,3	1,8	0,5	4,2	5,7

5. Распределение осужденных по видам наказания

1923 – 1927 гг. в Тамбовской губернии¹²

Год	Пол	Расстрел, %	Лишение свободы		Принудительные работы, %	Имущественные взыскания, %	Другим наказаниям, %	Освобождено от наказания по амнистии, %
			Условно, %	НА СРОК, %				
1923	М	–	8,07	15,38	2,66	44,76	22,9	6,23
	Ж	–	16,7	17,31	2,9	34,55	22,46	6,08
1924	М	0,08	14,18	20,24	12,82	49,82	1,23	1,63
	Ж	–	20,04	12,92	7,14	53,50	1,02	5,38
1925	М	0,14	15,5	44,49	14,17	22,41	2,51	0,75
	Ж	–	35,98	28,6	10,61	21,78	2,56	0,47
1926		?	14,03	38	11,2	35,12	1,59	?
1927		?	7,5	36,21	15,62	38,5	2,14	?

6. Распределение осужденных Тамбовской губернии, приговоренных к безусловному наказанию, за первое полугодие

1925 – 1927 гг.¹³

Лишение свободы	Первое полугодие 1925 г., %	1926 г.		1927 г.		Средний % по республике за 1926 г.
		Первое полугодие, %	Второе полугодие, %	Первое полугодие, %	Второе полугодие, %	
До 6 месяцев	19,14	28,07	35,46	32,21	30,98	27,8
До 1 года	4,3	5,28	3,41	2,56	3,09	5,6
До 2 лет	1,5	1,62	1,5	0,96	1,44	2,9
До 5 лет	0,3	0,31	0,2	0,46	0,6	2,4
До 10 лет	1 человек	0,01	0,04	0,04	0,08	0,7

Важно заметить, что факт безусловного наказания сам по себе еще не свидетельствовал о жесткости карательной политики, а значит, и ее эффективности.

Как следует из данных таблицы 6, основная масса безусловно осужденных приговаривалась к полугодичному заключе-

¹² Составлено по: ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 3895. Л. 68; Статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1925. С. 86 – 87; Статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1926. С. 86 – 87; Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1927. С. 47.

¹³ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 3469. Л. 81; Д. 3894. Л. 4; Д. 3895. Л. 68.

нию (и это при прогрессирующей преступности 1920-х гг.). Доля приговоренных к срокам от 2 до 5 лет в совокупности не превышала 6 % безусловно осужденных, к 10 годам приговаривались единицы. Для сравнения: число осужденных за преступления против личности составляло в 1925 г. 16,13 %, в 1926 г. 23 %, в 1927 г. 14,5 %, за имущественные преступления в 1925 г. было осуждено 40,91 % осужденных, в 1926 г. 25,02 %, в 1927 г. – 29,5 %.

Для большей наглядности рассмотрим следующий пример. Гражданин Пенин участвовал в вооруженной банде, совершил несколько налетов, был пойман после побега из дома заключения и после всех этих «подвигов» был приговорен судом всего к 3 годам лишения свободы со строгой изоляцией без права на амнистию¹⁴. Количество приговоренных к высшей мере наказания в Тамбовской губернии было ничтожным – в 1924 г. такой вид наказания был применен лишь к 12 лицам (11 человек было осуждено по ст. 184 ч. 2 УК – разбой и 1 человек – по ст. 86 УК – сопротивление представителям власти, сопряженное с убийством и нанесением увечий)¹⁵.

Судебные органы неоднократно ходатайствовали об ужесточении наказаний за особо опасные преступления. Так, на необходимость применения высшей меры наказания за указанные правонарушения в целях предотвращения их дальнейшего роста не единожды указывал Тамбовский губернский суд (далее губсуд) в письме к секретарю губернского комитета (далее губкома) г. Рябинину. В этом письме губсуд от имени губкома ВКП(б) и ВЦИК просил об оставлении без последствий кассационных жалоб лиц, приговоренных им к расстрелу, на том основании, что означенные лица являлись рецидивистами, имеющими на своем счету по несколько убийств и грабежей, и что отмена приговора и помилование преступников «ни в коем случае не даст надежды на их исправление, а наоборот лишь будет способствовать дальнейшему увеличению числа дел о грабежах и убийствах». Как решающий довод в письме приводились статистические данные об увеличении количества дел этой категории в губсуде: за 1 полугодие 1926 г. в производстве губсуда было 54 дела об убийствах и 47 – о грабежах, за 1-е полугодие 1927 г. эти цифры составили 64 и 59 дел соответственно¹⁶. Представляется, что указанные данные не позволяют говорить о высокой эффективности карательной политики в Тамбовской губернии в исследуемый период, ибо недостаточная суровость наказаний не только не удерживала от совершения правонарушений, но напротив, если не стимулировала, то лишь вызвала озлобление у правонарушителей и желание отомстить.

Повышению популярности карательной политики у населения призваны были способствовать выездные сессии судов и показательные процессы. За второе полугодие 1926 г. на судах губернии было проведено 613 выездных сессий, на которых было рассмотрено 3371 уголовное дело. Наибольшее число сессий пришлось на Тамбовский уезд – 279, далее следовали уезды Борисоглебский (195 дел) и Моршанский (188 дел). В периоды выездных сессий во втором полугодии 1926 г. по уголовным делам, имевшим большое общественно-политическое значение (растрата, хулиганство, кража скота, поджоги), было проведено 261 показательных процесса¹⁷.

Мерой, призванной несколько разрядить криминогенную ситуацию, являлась административная высылка. Согласно ст. 49 УК, лица, признанные судом какой-либо губернии ввиду своей преступной деятельности либо связям с преступной средой социально-опасными, могли быть лишены по приговору суда права пребывания в данной губернии на срок до трех лет. Первоначально на совещании ответственных сотрудников Тамбовской губпрокуратуры в 1924 г. было постановлено применять высылку и административное выселение более широко – распространяя ее не только на рецидивистов, совершивших особо тяжкие преступления, но и на лиц, имевших несколько судимостей по маловажным делам¹⁸.

В 1928 г. критерий отбора лиц, предназначавшихся к административной высылке, претерпел серьезные изменения. Высылке не должны были подвергаться лица, хотя и имеющие по 2–3 судимости, но происходящие из крестьян, имевших землю, скот, сельхозинвентарь и занимавшихся хлебопашеством. При этом отделения уголовного розыска уездов обязывались предоставлять сведения о том, в чем именно выражалась связь обвиняемого с преступным миром. В дальнейшем было принято решение, что высылке могли быть подвергнуты только граждане, жившие исключительно за счет имущественных преступлений и являвшиеся действительно социально-опасными, а не имевшие определенное количество судимостей и приводов¹⁹. В связи с этим в губернии намечается процесс сокращения числа лиц, подвергаемых санкциям согласно ст. 49 УК. Коллегией Тамбовского ГО ОГПУ были вынесены постановления о высылке: в 1924 г. – 18 лиц, в 1925 г. – 39 лиц, в 1926 г. – 7 лиц²⁰. В Тамбовской губернии за первую половину 1927 г. было зарегистрировано 160 человек административно высланных из других губерний²¹. Наличие в губернии помимо местного также и выдворяемого преступного элемента из соседних губерний доставляло немало хлопот местным правоохранительным органам и заставляло милицейское начальство предпринимать различные меры. Так, начальник Козловской уездной милиции Д.С. Сковородников направил в 1924 г. этапным порядком с содержанием под стражей в город Балашов высланного в порядке ст. 49 УК из пределов Московской губернии и города Москвы некоего Акмаева Хасьяна. Последний прибыл в распоряжение начальника вышеназванной милиции для водворения его на выбранное им место жительства в город Козлов и должен был быть освобожден из-под стражи со взятием его на учет органами милиции в порядке инструкции Народного комиссариата внутренних дел (далее НКВД) за № 355²².

Подводя итоги сказанному, заметим, что классовый принцип являлся серьезным тормозом проведению эффективной уголовной политики в нэповской России, которая в указанный период переживала важный этап своего становления. Реализация классового принципа способствовала также ухудшению криминогенной ситуации в стране. Подавляющее число осужденных являлись по своему социальному происхождению рабочими и крестьянами, что в условиях реализации классового принципа приводило к минимизации их уголовной ответственности, а нередко вело и к рецидивам.

¹⁴ Тамбовская правда. 1924. 11 января.

¹⁵ ГАТО. Ф. Р – 655. Оп. 1. Д. 40. Л. 281.

¹⁶ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 3890. Л. 38.

¹⁷ Там же. Д. 3895. Л. 30.

¹⁸ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 2567. Л. 61.

¹⁹ ГАТО. Ф. Р – 655. Оп. 1. Д. 205. Л. 158.

²⁰ Там же. Д. 22. Л. 58.

²¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 393. Оп. 73. Д. 44. Л. 103.

²² ГАТО. Ф. Р – 395. Оп. 2. Л. 106.